

Церковные праздники в русской армии в начале XX в.

Аннотация. В статье содержатся сведения о том, какие праздники отмечались в русской армии в конце XIX – начале XX в., какие из них праздновались на фронте во время Русско-японской и Первой мировой войн. Особенное внимание уделяется организации празднования церковных праздников – Рождества, Крещения и Пасхи – на фронте и в условиях плена. Анализируются трудности организации церковных праздников на войне, устойчивые сценарии праздников, отношение к ним участников, а также динамика такого отношения на фоне особенностей протекания военной кампании. Выявляются предпочтения и степень участия в организации праздников солдат и офицеров. Статья написана в основном на источниках личного происхождения – воспоминаниях, дневниках и мемуарах, – что придает ей достоверность свидетельств очевидцев. Основные выводы касаются значимости праздников для формирования военного коллектива, для поднятия духа войска во время военных действий. Кроме того, делаются выводы относительно личного участия военнослужащих, – как рядовых солдат, так и офицеров, – и духовенства в организации и проведении праздников в военное время.

Ключевые слова: Русско-японская война, Первая мировая война, фронтовая повседневность, военная традиция, военное духовенство, протопресвитер, Рождество, Пасха, молебен, плен.

Review. This article contains information on which feast days were celebrated in the Russian army at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, and which of them were celebrated on the frontline during the Russo-Japanese War and the First World War. Special attention is dedicated to feast organisation on religious holidays – Christmas, Baptism, and Easter – on the battlefield front and in conditions of captivity. The author analyses the difficulties of arranging religious feasts in wartime, the established routines of celebration, the attitude of participants towards them, as well as the dynamics of this attitude on the frontline with the particularities of being in a moving military campaign. The preferences and degrees of involvement in setting up celebrations by soldiers and officers are also addressed. The article is written primarily of the basis of sources from private possessions – memories, diaries, and memoirs – which provide its accuracy through eyewitness accounts. The research's main conclusions pertain to the significance of feast days in the formation of a military collective, as a morale boost for the troops during military operations. Beside this the author makes some conclusions regarding the personal involvement of military servicemen and clergy in the organisation of religious feast days during wartime.

Key words: Christmas, protopresbyter, military clergy, military traditions, frontline daily life, First World War, Russo-Japanese War, Easter, prayer, captivity.

Практическая деятельность духовенства на войне не исчерпывалась только печальными церемониями исповеди и причащения раненых и умирающих. Были и другие обязанности, среди которых – организация различных религиозных праздников и церемоний.

Праздник в армии имеет особенное значение. Он разряжает обстановку, помогая пережить военные будни. Кроме того, праздник способствует сохранению исторических традиций, сплочению военного коллектива, сближению и созданию «полковой семьи», облегчает адаптацию к армейской жизни новобранцев. И наконец, праздник – связующее звено между армией и Государем, войной и миром, чужбиной и Отечеством. Праздников, которые отмечались

в армии в начале XX в., было довольно много. Это «царские дни» – «высокопраздничные» и «торжественные», «орденские» или «кавалерские» дни, «викториальные» дни и полковые праздники.

Наибольшее количество праздников, отмечавшихся в армии, – православные. Из них самым главным, конечно, была Великая Пасха. Также широко отмечались двенадцатые праздники. Из недвенадцатых праздников особенной симпатией пользовался Покров Пресвятой Богородицы. Кроме того, отмечались День всех святых, в земле Российской просиявших, Никола зимний и Никола вешний, дни Казанской Божией Матери, Иверской Божией Матери, Положение Ризы Господней, Всемиловитый Спас (Медовый Спас), а также многочисленные

праздники соборной памяти русских святых. Только внесенных в календарь таких праздников было больше двадцати.

Отличие от «царских» и «викториальных» православные праздники требовали гораздо большей степени личного участия всех чинов полка – и солдат, и офицеров, – тем более что средства на устройство таких праздников в полках ни казной, ни Синодом не выделялись. Помимо православных праздников духовенство по статусу должно было участвовать в некоторых торжественных церемониях и ритуалах.

Первая важная церемония, в которой военный священник должен был принимать участие, – присяга. Ритуал принятия присяги войсками был введен еще Петром I. На протяжении XVIII – первой половины XIX в. процедура присяги менялась неоднократно. В 60-е годы XIX в. петровская традиция фактически была восстановлена.

Проводилась присяга следующим образом: «...в назначенный день подразделения строились в установленном порядке, выносились знамена и штандарты, солдаты и офицеры при оружии давали обещание служить добросовестно и во всем поступать как честному, верному, послушному, храброму солдату надлежит». При этом присягавшие держали левую руку на Евангелии, а правую руку поднимали вверх в крестном знамении (солдаты поднимали только правую руку и повторяли текст за читавшим). После принятия присяги в строю «присягавшие подписывали присяжные листы» [41, 197].

Позже порядок несколько изменился. «В назначенный командиром день выводится в строй часть, если можно, в полном составе; причем молодые солдаты строятся отдельно» [61, 53]. Накануне с молодыми солдатами должен был беседовать священник, разъясняя им их новое положение. В «Вестнике военного духовенства» неоднократно приводились примеры таких бесед [11, 35; 8, 37–40]. По содержанию этих бесед можно проследить, как меняется отношение военного священника к воину. В беседе за 1891 г. разъяснение носит довольно традиционный и лапидарный характер: «Покорность Государю и безропотное повиновение начальству – вот две главные и важнейшие ваши обязанности. Кто исполняет эти обязанности, тому легко исполнить и все остальные обязанности, касающиеся военной службы» [11, 35]. В беседе 1904 г. солдатам разъясняется, что «каждому вступившему в ряды воинства открывается прежде всего поле для умственного его развития. <...> Каждое зна-

ние дает человеку возможность улучшить свою жизнь. Потому и для собственной пользы, и для пользы службы каждому воину следует приложить все старание, чтобы выучиться на службе чему-нибудь полезному. <...> плох и бесполезен в ратном деле солдат, плохо знающий свое воинское дело» [8, 38]. В речи содержится и определенный «положительный образ», к которому следует стремиться: «...понятие о солдате. С этим именем соединялось всегда у нас понятие о человеке честном, прямом, храбром, всегда готовом поделиться последним куском сухаря с товарищем» [8, 38].

Таким образом, внебогослужебная беседа о. Бугославского была ориентирована на создание у солдат мотивации к службе, предлагая помимо традиционных «За веру, Царя и Отечество» еще и личные интересы духовного роста и умственного развития. В этом военное духовенство пошло дальше офицеров и генералов [21].

По прибытии знамени командир части обращался к молодым солдатам с разъяснением долга службы и присяги. Зачитывались статьи Воинского устава о наказаниях, касающихся нарушения обязанностей службы в военное время, а также статьи Свода законов и военных постановлений, объясняющие, за какие подвиги на поле брани награждают знаком отличия военного ордена, а частям жалуют особые отличия. «После этого молодые солдаты приводятся к присяге духовным лицом того исповедания, к которому они принадлежат, а в случае неимения такового лица – командиром части» [61, 53]. Призывник подходил к столу и, положив руку на Евангелие, клялся «служить верою и правдою Государю Императору, Его Наследнику и Отечеству» [61, 53].

В 1902 г. в церемонию были внесены некоторые изменения. Теперь в случае невозможности приведения к присяге всех новобранцев одновременно можно было приводить к присяге в несколько раз, причем в последующие разы производить присягу не в присутствии всей части, а при одной роте со знаменем. В частях войск, не имеющих знамен, присяга молодых солдат должна была быть исполнена тем же порядком: в батареях артиллерии – перед фронтом орудий, в крепостной артиллерии – на верхней части крепостного вала – валганге главной крепостной ограды, а во всех прочих частях и командах – перед фронтом части, куда молодой солдат зачислен.

В 1903 г. началась полемика относительно самого текста присяги, звучавшего несколько

архаично для начала XX в. Однако против внесения изменений в текст клятвы выступил генерал М. И. Драгомиров. «Аргументы Драгомирова были просты: к присяге нельзя подходить с рациональной точки зрения, “ее и не нужно запоминать умом, а нужно держать в сердце”; она такая же часть традиции, как молитва, “а придет ли кому в голову менять текст молитвы?”» [31, 147].

Таким образом, присяга приравнивалась к молитве, и ее текст оставался неизменным на протяжении более двух столетий. Вообще-то присяга должна была бы стать праздником, однако непонятность текста клятвы делает участника равнодушным к церемонии.

После Русско-японской войны вопрос о проведении собеседования с молодыми солдатами по поводу присяги обсуждался в учрежденной его императорским высочеством, главнокомандующим при Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа комиссии по вопросам содействия религиозно-нравственному, умственному и физическому развитию нижних чинов. Было установлено, что эта беседа обязательно должна была проводиться с новобранцами, однако не вполне понятно ее место в общем плане – она оказывалась последней из внебюджетных бесед, проводившихся с солдатом на первом году его службы, и завершала цикл из десяти бесед. Первая беседа (вступительная) сочетала темы о высоком значении воинского звания, об обязанностях воина-христианина и предостережение от дурных знакомств, пьянства и разврата [22, 21–23].

В 1912 г. в церемонию присяги также были внесены некоторые незначительные изменения, но в целом процедура оставалась прежней. Правда, роль священника несколько понизилась. В октябре 1914 г. для солдат была выпущена специальная памятка, которая должна была разъяснить все трудные вопросы службы. Однако о присяге в ней сказано только: «Присяга есть клятва перед Богом служить верно Государю, Наследнику престола и Родине, хотя бы пришлось умереть за них» [53, 5]. Таким образом, принятие присяги все более формализуется. Интересно, что память об этом событии практически не отражена в воспоминаниях участников событий. Зато другое событие, не регламентированное Уставами, нередко превращается в настоящий праздник. Это – проводы мобилизованных.

В начале Русско-японской войны проводы с «прощанием», с напутствием самого государя императора широко освещаются в печати и

включают постоянные элементы, присущие военным ритуалам.

«Прощание», как правило, состояло из двух частей. Первая часть «прощания» – напутствие. «Когда началась война (Русско-японская. – Л. Ж.), то Его Величество весь 1904 г. все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так, в начале мая государь с этой целью ездил в Белград, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне – в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города; в сентябре – в Одессу, Ромны и другие места на западе; в сентябре ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов; затем в октябре – в Сувалки, Витебск и другие города; наконец, в декабре – в Бирзулу, Жмеринку и другие южные города» [10, 283].

Император относился к прощанию с войсками очень серьезно – вдвоем с императрицей он тщательно выбирает иконы и образа для войск, идущих на Дальний Восток, отмечает в своем дневнике подробности смотров войск, торжественно провожает сестер милосердия, едущих на фронт. Появляются фотографии августейшей четы (не только в газетах, но и отдельными листами), провожающей солдат на фронт. По воспоминанию А. А. Мосолова, «речи царя к частям были весьма удачны и особенно – говорившиеся экспромтом – производили сильное впечатление» [43, 31]. Смысл речей сводился к тому, что «Государь Император напутствовал <...> милостивыми словами, выразив при этом убеждение, что они послужат со славой Отечеству, и пожелав им вернуться здоровыми после победоносной войны» [46, 1]. После смотра Николай II «объявляет монаршее благоволение начальствующим лицам, нижним чинам, находившимся в строю, объявляет свое царское спасибо и жалует как строевым, так и нестроевым: имеющим знаки ордена – по 5 руб., имеющим шевроны – по 3 руб., а всем прочим – по 50 коп. на каждого» [45, 1].

В конце концов «прощание» и для самого государя превращается в механический акт. «Простился и благословил все части в полтора часа» [14, 839], – записывает он в своем дневнике.

Непременной составной частью прощания был молебен и затем – парад с церемониальным маршем [59, 404–405].

Любопытное наблюдение сделал Р. С. Уортман: «Вначале правительство представило войну как священную борьбу под покровительством Серафима. Офицеры, отправлявшиеся на фронт, совершали паломничество в Саров, а ро-

дители солдат ездили в Саров молить угодника о покровительстве. Священники благословляли войска иконой Серафима. Великая княгиня Елизавета Федоровна брала с собой его мощи, навещая раненых в московских госпиталях. Портрет Серафима вместе с изображением покровителя Москвы Сергия Радонежского и Архангела Михаила был помещен в серебряном триптихе, поднесенном военному министру Куропаткину для защиты русских армий. Однако, по свидетельству великого князя Александра Михайловича, солдаты не узнавали нового святого в иконах и чувствовали себя растерянными и угнетенными» [67, 529].

Имеется фотография, на которой Николай II напутствует 148-й пехотный Каспийский великой княжны Анастасии Николаевны полк иконой Серафима Саровского [26, 332]. Также Государь пожаловал икону Серафима Саровского 34-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку [71, 642–643], на третий день Пасхи 1904 г. состоялась торжественная передача 1-му Восточно-Сибирскому стрелковому его величества полку иконы преподобного Серафима Саровского, пожалованной государем императором.

Однако в полках, сформированных до войны, уже существовали определенные традиции, и в поход благословляли полковой иконой. Так, 4-ю казачью дивизию государь благословлял иконами Спаса Нерукотворного и св. Николая Чудотворца [29, 59], эти же иконы были пожалованы государем 33-му и 35-му Восточно-Сибирским стрелковым полкам, 36-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку была пожалована икона Георгия Победоносца [71, 642–643]. На корабле «Дмитрий Донской» была икона Дмитрия Солунского, на «Иртыше» – св. Николая Чудотворца [24, 139], на броненосце «Бородино» – икона-складень св. Александра Невского, Михаила Архангела [56, 4] и копия Смоленской Божией матери [54, 4; 55, 4] и т. д.

Вторая часть проводов на войну – «угощение» от города. Первоначально мобилизованным раздавали конфеты, сигареты, вино, почетные лица города приветствовали и говорили речи, для офицеров накрывали столы [44]. Иногда офицеры скидывались для организации прощального застолья [6, 485].

Надо отметить, что «прощание» сочетало в себе не только элементы государственной политики и военных традиций, но вбирало в себя и народную традицию. Подарки, подносимые мобилизованным, восходят к народной традиции

подавать рекруту милостыню перед его уходом на службу [31, 83]. Также и гулянье, и пьянство, и буйство уходивших на службу было традицией [31, 94–101].

Пьянство и буйство мобилизованных в 1904 г. достигло огромных масштабов: «...запасные в нетрезвом виде буйствовали, разбивали винные и торговые лавки, оказывали неповиновение властям» [37, 664]. «Уже с осени 1904 г. на время приезда призывных в город стали закрывать винные лавки и кабаки, а самих призывников “угощать” от города и обывателей без водки» [5, 306]. Однако призывники где-то добывали водку, а их приезд в город на призывные пункты часто приводил к беспорядкам. Так, 27 октября 1904 г. 1000 призывных в Москве творили такие беспорядки, «что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения, и несколько человек убито» [5, 301].

Правительство вынуждено было принять и другие меры. 27 ноября 1904 г. было подписано высочайшее повеление, объявленное Министерством юстиции [52, 1159], согласно которому из общего порядка судопроизводства изымались дела призываемых на действительную военную службу нижних чинов запаса «за участие в беспорядках по поводу и во время мобилизации в текущую войну как до явки их на сборные пункты, так и после зачисления на службу, в случае если это участие выразилось лишь в простом буйстве» [52, 1159]. Особенно «буйных» предлагалось наказывать их военному начальству в дисциплинарном порядке.

Чем дальше шла война, тем короче становилась церемония «прощания». «Было 10 часов вечера. Громадный киевский вокзал переполнен публикой до тесноты. Вот настал час разлуки. Подошел я к образу Спасителя, висевшему в углу пассажирского вокзала 1-го класса, и, сотворив крестное знамение, возложил на себя епитрахиль. Подошли ко мне офицеры, к ним вплотную приблизились сослуживцы со своими близкими и родными, а вслед за ними волной хлынула к нам вокзальная публика, очевидно, привлеченная невиданным зрелищем. Сказав несколько напутственных прощальных слов, я стал благословлять образком каждого отъезжающего офицера, тот целовал образок, мою руку и надевал его на шею. Наступила торжественная минута глубокого молчания <...> Но вот раздался вокзальный звонок, кто-то крикнул: “Пора!”» Так описывает провода на Дальний Восток благочинный 42-й пехотной дивизии, священник Иоанн Яроцкий [75, 336].

В начале Первой мировой войны «прощание» становится уже ритуалом с определенной последовательностью действий, включающим молебен, речи и поднесение от провожающих икон и мелких подарков.

«20 июля 1914 г., в день объявления войны, Николай появился в Петербурге в Зимнем дворце. Он проплыл по Неве под оглушительные приветственные крики и ринулся сквозь толпы к дворцу. На молебне он повторил обет Александра I не заключать мира до тех пор, пока последний враг не уйдет с Русской земли. После того как священник прочел манифест, Николай обратился к собравшимся офицерам <...> Впечатляющая петербургская церемония была вместе с тем краткой и чересчур щепетильной. Появление царя на публике в Москве 5 августа было более продолжительным, а церемонии – более масштабными. Николай въехал в город по традиционному пути – по Тверскому бульвару в открытом экипаже <...> Его речь была более пространна, чем петербургское выступление <...> Николай вернулся из Москвы, вдохновленный горячим приемом» [67, 687–689]. Однако ездить по стране Николай не стал. «Прощание» на местах в основном сводилось к молебнам, исполнению гимнов воюющих стран и торжественным речам.

Например, 5 августа 1914 г. устроили торжественные проводы 182-му Гроховскому стрелковому полку жители города Рыбинска. Городской голова К. И. Расторгуев даже произнес перед воинами речь, пожелав побед в боях с врагами. 20 июля и 14 сентября устраивались торжественные проводы в Малоярославце и Калуге. «В губернском центре на плац-парадной площади была организована церемония передачи вновь сформированным калужским ополченческим дружинам боевых знамен калужского ополчения времен Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны с изображением Калужской Божией Матери. На торжестве присутствовали губернатор с супругой, представители общественных управлений, военных, дворянства, духовенства во главе с преосвященным Георгием и других сословий. Был отслужен молебен о здравии императора и даровании победы русскому оружию. Старые боевые знамена были окроплены святой водой, как и воины ополчения, которые прошли с ними по площади церемониальным маршем. “Патриотический концерт” был организован 17 ноября 1914 г. в помещении Калужского городского театра. Кульминационным моментом стало исполнение национальных гимнов: рус-

ского, французского, английского, бельгийского, японского, сербского, черногорского и общеславянского» [4, 159].

Сухой закон, казалось бы, должен был сделать прощание более спокойным, однако на мобилизационных пунктах были зафиксированы многочисленные беспорядки.

При этом молебен проводили не только полковые священники, но и городское духовенство.

Еще одна немаловажная деталь – отсутствие подношений от протопресвитера. В Русско-японскую войну солдатам были заготовлены подарки от военного духовенства. Это «напутствие» создавало элемент адресного обращения к мобилизованным. Кроме того, в отличие от Русско-японской войны никаких банкетов отъезжающим, даже офицерам, не устраивалось. Таким образом, «прощание», став ритуалом, предельно формализуется, утрачивая первоначальный смысл организации перехода в войну и мобилизации сознания комбатантов.

Мобилизованные компенсировали это нападениями на винные лавки. Например, 20 июля 1914 г. в Малоархангельске около 500 человек запасных напали на казенную винную лавку, несмотря на увещевания городского. 21 июля прибывшая в м. Середину-Буду партия запасных потребовала выдачи водки, угрожая разбить винную лавку, произвела буйство. Самые крупномасштабные беспорядки во время первой мобилизации произошли в Трубчевском уезде с 19 по 21 июля – две партии мобилизованных по тысяче человек каждая разграбили несколько винных лавок, на ходу употребляя спиртное. Буйством мобилизованных было охвачено Поволжье. 20 июля 1914 г. в г. Сенгилей буйство мобилизованных вылилось в стычку с полицией, в результате которой были убиты 5, ранены 4 человека. В тот же день напали на полицию мобилизованные в Бугульме, 28 июля 1914 г. в Сызрани в результате буйства 3 тысяч мобилизованных и их стычки с полицией были убиты 7 человек.

Особенно буйнили молодые солдаты-новобранцы. По сообщению севского уездного исправника, например, проезжавшие через станцию Комаричи Московско-Киевской железной дороги эшелоны ратников «производили буйства и насилия». Основной целью было стремление получить алкоголь, были случаи драк с местными жителями и полицией. «Случаи подобного рода происходили в первые дни войны во многих уездах Орловской губернии, и заканчива-

лись они в большинстве своем в пользу толпы (хищением спиртного), и полицейские ничего не могли поделать из-за численного превосходства мобилизованных. В конце июля – августе 1914 г. такая тенденция наблюдалась в большинстве уездов Орловской губернии, что свидетельствует о повсеместной распространенности данного явления» [33, 51].

Подобного рода выступления запасных в июле 1914 г. были также в Ставрополе, Курмышском и Бугульминском уездах, в других местах Самарской и Симбирской губерний. В Казанской губернии движение запасных охватило Лаишевский, Чистопольский, Казанский и Цивильский уезды. В Пензенской губернии буйство мобилизованных было поддержано крестьянами [72]. То же было и в Вятке, где, «чтобы предотвратить продолжение бесчинств, трое стражников и десятский выдали вино» [30]. Вообще мобилизация протекала в беспокойной обстановке. Массовые беспорядки и буйство с погромами винных лавок и поджогами имели место в Сибири (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях), в 136 из 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных [74, 84]. Попытки захватить спиртное отмечались и в Гродненской губернии, несмотря на чрезвычайные усилия властей по поддержанию порядка [70].

Один из респондентов, С. З. Федорченко, вспоминает: «Загулял я тогда на целую неделю. Сильно с тоски да со страху баловал тогда. Очнулся чуть не на самой позиции только, и так я зажалел, что совсем, почитай, без памяти с прежней жизнью своей распростился» [69, 24].

Между тем если бы присяга и «прощание» не были столь формальными, быть может, беспорядков было бы меньше. «17-го числа был отслужен молебен. Ходил и я. Ни одно крепкое сердце не выдержало, чтобы не заплакать. Когда священник стал напутствовать биться со врагом не щадя своего живота, идти с верою и правдой. И как не плакать, когда каждый воин идет на смерть», – отмечает для себя рядовой 22-го Епифановского пехотного полка С. И. Анохин [1, л. 10об.–11]. Во время этого молебна «лицы солдат, погруженные в какую-то думу и с какою-то болью, ударили себе в грудь, при окончании молебна нам священник, напутствовав, сказал: “Не хочу, братцы, сказать прощайте. А скажу только

до свидания, т. к. ожидаю вас возвратиться обратно”» [1, 12–13]. Особенно растрогался Анохин, когда священник, благословляя мобилизованных, говорил каждому, что ждет их живыми обратно. Однако чаще молебен не носил характера адресного обращения, так же, как и присяга, постепенно превращаясь в часть ритуала.

Совсем иначе обстояло дело с православными праздниками. Многие респонденты хотя бы названиями отмечают эти праздники, особенно часто упоминая Пасху, Рождество Христово, Покров Богородицы и Благовещение.

Главных праздников в церковном календаре двенадцать: Рождество Пресвятой Богородицы (8 (21) сентября), Воздвижение Креста Господня (14 (27) сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября (4 декабря)), Рождество Христово (25 декабря (7 января)), Крещение Господне (6 (19) января), Сретение Господне (2 (15) февраля), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта (7 апреля)), Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне (6 (19) августа), Успение Богородицы (15 (28) августа). Даты переходящих праздников отсчитываются от главного церковного праздника – Пасхи.

Ритуал этих праздников очень сложен: многие из них состоят из трех частей – предпразднество, попразднество и отдание – и могут продолжаться несколько недель, требуя значительных приготовлений.

Конечно, даже в мирное время военные священники не имели возможности полностью выполнять все, что предписывалось канонами праздников. В повседневной жизни проблемы были сугубо практическими. Например, священник не мог настаивать на соблюдении строгого поста военнослужащими, из-за многочисленности паствы не успевал даже организовать личную исповедь для каждого, не всегда удавалось организовать посещение солдатами всех положенных богослужений [20]. Проблемы эти обсуждались на братских собраниях с о. протопресвитером, и некоторые меры были предложены, однако начавшаяся Русско-японская война показала недостаточность предлагаемых решений.

Тем не менее, как могли, военные священники организовывали празднование и в условиях войны – и в осажденной крепости, и в окопах, и в лазаретах. Конечно, война вносила свои коррективы, но праздник оставался праздником.

Пасха 1904 г. (28 марта (10 апреля)) отмечалась в Порт-Артуре в ожидании обстрелов,

хотя 27-го настроение было предпраздничное и оживленное, обитатели города спешно делали закупки, пытаясь подготовиться к празднику [38, 57]. К вечеру и погода, и настроение несколько испортились – почему-то казалось, что именно в этот день японцы обязательно предпримут новую атаку, к тому же поднялся ветер. Перед заходом солнца адмирал С. О. Макаров поднялся на борт броненосца «Петропавловск» и «приказал всей команде собраться на палубе и его окружить» [42, 151]. Обратившись к команде, он сказал: «Наступает св. праздник Воскресения Христова, наш наибольший христианский праздник, но сейчас война, и вот я вас избрал в эту ночь охранять всех нас, дабы остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться на молитве. Дай Бог вам исполнить этот святой долг!» [42, 151] – после чего ушел на другой корабль. В городе все тоже находилось в напряжении.

«Когда раздался тихий благовест небольших колоколов наших все еще временных церквей-бараков, весь город ожил, но не было того шума и света, той радости, что видится в далекой России среди мирной жизни. Со всех сторон бесшумно задвигались тени по направлению церквей; кто только мог спешил помолиться об избавлении от грозящих бед, но, уходя, прощались с остающимися дома; могли ведь не вернуться или не застать в живых» [36, 114].

Несмотря на тревогу, церкви были полны народа, некоторые стояли на улице, пытаясь заглянуть в занавешенные окна. Среди молящихся было особенно много солдат и офицеров [36, 115]. Наконец в отрядную церковь прибыли комендант, «прочие высшие чины» и генерал А. М. Стессель. Началось богослужение. По окончании службы все поспешили домой. Вернулся в гавань «Петропавловск», и Макаров решил разговляться с командой. «Вот появляется аналой, священник, откуда-то куличи и яйца» [42, 152].

Для сухопутных войск в Порт-Артуре Пасха прошла не столь торжественно: «...полковой “батя” разъезжал по позициям, и там под пушками или около окопов на скорую руку, тут же составив ружья, и то по частям исповедовались и причащались. <...> Около полудня приехал священник с церковником на двуколке. Я собрал насколько возможно людей. Солдаты вообще чрезвычайно серьезно относятся к таинству причащения и тут, прежде чем идти на исповедь, у кого было в вещевых мешках, надели чистое белье. Под открытым небом поставили

какой-то пустой ящик, священник накрыл его пеленой, после краткой службы и простого, но задушевного слова всем-всем сразу отпустил грехи и приступил к причащению. Причастившись тотчас разобрали винтовки из козел и сменили оставшихся в окопах и на постах, чтобы и им дать возможность отгответь», – вспоминает В. П. Змеицын [23].

«Хотя на Пасхе в Артуре еще все можно было достать, так как сообщение еще не было прервано, да некому и не было времени заниматься приготовлением пасхальных яств, тем не менее командир батареи Электрического утеса капитан Жуковский в бетонном каземате накрыл стол, поставил яиц, черного хлеба, кое-каких закусок и самоварчик, и мы, в том числе и генерал Белый, в перерывах между пальбой похристосовались, выпили по рюмке водки и перекусили, чай же пили по очереди и в перерывах, так как самоварчик был махонький, стаканов 5–6, а в соборной церкви шла заутреня» [23].

Очень многое, о чем говорили в тылу, в условиях осады оказалось неактуально. Не оказалось у священника «церкви-складня», макет которой обсуждался с 1903 г., не потребовалось ему долго размышлять о вопросах к исповеди, да и сама исповедь в походных условиях мало напоминала то, о чем писал «Вестник военного духовенства».

Некоторым Пасху отметить и вовсе не удалось. Например, в Японии в лагере Мацуяма первые русские военнопленные не имели возможности ни причаститься, ни разговесться. Глава Русской православной миссии в Японии отец Николай через французского католического миссионера «послал <...> им 50 иен на красные яйца в Пасху, несколько икон, 65 брошюр житий святых, 2 Новых Завета, 2 молитвенника, Часослов, пасхальную службу и письмо, в котором утешал их, что они пострадали за Отечество, советовал отправлять общую молитву с пением и чтением по Часослову» [17, 44], но больше ничего сделать не смог.

И все же эта Пасха 1904 г. не просто запомнилась. Для некоторых она становится особенным праздником – о ней во всех подробностях вспоминают через несколько лет, сравнивают с Пасхой 1905 г.

Пасха 1905 г. (17 апреля) была совершенно другою – в стране началась революция, война уже почти проиграна, надежд на благополучный исход остается все меньше. Вот как описывает Пасху 1905 г. А. В. Квитка: «16 апреля. В один»

надцать часов вечера на одной станции после Златоуста священник, вызванный телеграммой, освятил стол, приготовленный для разговления по случаю Святой Пасхи. Мы похристосовались и разговелись <...> 17 апреля <...> два молодых солдата, совершенно пьяных <...> рядом с нами стоял поезд с воинским эшелоном от Гренадерской дивизии, шедшей на пополнение действующей армии. Все были пьяны и безобразничали» [28, 429]. Тем не менее находившиеся на позициях имели некоторую возможность соблюдать обряды. Ф. И. Шикун, например, отмечает, что полковой священник на Страстной неделе служил в нескольких местах, где и принимал исповедь. Желаящие, кто не успел исповедаться, добирались верхом, «так как туда было 7 верст» [73, 112].

Подробно описал Пасху 1905 г. о. Митрофан Сребрянский. Полк его – 51-й драгунский Черниговский – стоял в Юшитае, и в фанзе была устроена церковь, из нижних чинов сложился хороший хор. Торжественно отслужив в Вербные субботу и воскресенье, о. Митрофан объявил, какой будет порядок служб на Страстной неделе, однако его планам не суждено было сбыться – в четверг полк получил приказ о выстулении в поход. Церковь, украшенную к Пасхе, пришлось разбирать. На новом месте фанзу для служения прибирать пришлось очень спешно, и украсить ее не успевали, но все же место для служения организовать удалось.

Большое беспокойство вызывало предстоящее разговение. Для него требовались просфоры, а для их изготовления – хорошая мука и печи. Отец Митрофан нашел выход: печь просфоры в котлах, и накануне Пасхи напекли их около трехсот, «так что говение и прошло <...> по-русски, то есть на запивке каждый причастник получал просфору, а всего приобщилось больше четырех тысяч человек» [64, 294]. Еще один атрибут пасхального стола – крашенные яйца. Достать их накануне Пасхи становилось сложно – они подорожали. Еще труднее было придумать, чем их красить: краски не было. Солдаты придумали красить яйца китайской бумагой, которую кипятили в котле [64, 298]. Что касается самой пасхи, то для большинства в походных условиях о ней и думать не приходилось. Вместо нее на стол ставили хлеб со свечой. Купить и пасху, и кулич можно было в Харбине, однако такая возможность была не у всех, а разнообразить праздничный стол хотелось хоть как-нибудь. Для этих целей использовались и «прибереженные» припасы, купленные еще в

Мукдене, и посылки из дома, и мародерство. Однако, поскольку некоторые полки получили приказ о передислокации, все их приготовления пошли прахом.

Например, Ф. И. Шикун, вместе с другими однополчанами в субботу попавший на новую позицию, очень расстраивается, что приходится делать приготовления в спешке. В результате столик все же соорудили, «покрыв его предварительно циновкой и палаткой», поставили угощение, «а самое главное – бутылочку “монопольки” с белой головкой и 3 штуки яиц, которые были даны в охотничью команду китайцами. Спасибо, что они дали нам яиц, а то к Пасхе яйца продавались по 8 руб. сотня, так что в полку солдатам досталось по одному яйцу на каждые три человека, а у нас на каждого охотника по два яйца. Жаль только, что не было белого хлеба взамен кулича <...> По окончании богослужения командир полка пригласил к себе всех офицеров и прапорщиков разговеться <...> все собрались, похристосовались, выпили, закусили, а в это время полковая музыка играла туши, марши, попури и др. веселые пьесы, чтобы, насколько возможно, развеселить собравшееся общество» [73, 113].

Отмечали Пасху и военнопленные в Японии. Вышла она не столь счастливой, однако пленные имели возможность исповедаться и причаститься, богослужение и исповедь вели японские священники. «Большая часть офицеров пожелала Страстную неделю есть постное. Из Токио епископ Николай прислал японского священника о. Петра, который немного говорит по-русски и уже 11 лет священствует, но “службу знает плохо, зато служит с благоговением”. Исповедь в субботу была общая для всех. Причащались за пасхальной обедней. Служба продолжалась 4 часа. Больших усилий стоило добиться, чтобы японцы “позволили нарушить правила” – разрешили ночную службу и не тушили электричества до 8 часов утра <...> Было устроено разговение, и, конечно, братия напилась» [49, 944].

Другие важные праздники, в организации которых духовенство должно было принимать деятельное участие, – Рождество и Новый год. Рождественский ритуал довольно сложен, однако специфических приготовлений требовал значительно меньше, чем Пасха. Иногда приготовлений вообще не делалось. «...новый, 1905 год <...> пришлось встречать в беднейшей и грязнейшей фанзе, среди грязи и полумрака и даже опасности. Денщики вскипятили чай и бульон из консервов; неизменная колбаса, сало, сухари – это новогодний ужин.

В 12 часов встали все, перекрестились, поблагодарили Бога, что помог пережить страшный 1904 год, попросили благословения на наступающий, поздравили друг друга и в час ночи улеглись <...> В 7 часов утра еще раз перекрестились и еще раз поздравили друг друга с «русским» Новым годом: в России в это время ровно 12 часов ночи. Начинаем вытягиваться в путь» [64, 232], – отмечает М. Серебрянский. По его же словам, иногда молебен начинался «среди лошадей», т. е. не все успевали спешиться.

Для тех же, кто стоял на позициях, праздники отмечались тем, что «не было учений». Впрочем, не всегда празднование было таким скромным и скорым. Вспоминая Рождество, А. В. Квитка, например, тоже отмечает некоторую поспешность празднования: «После обедни в церковном шатре, в присутствии начальников отдельных частей отряда, офицеров и по сотне от каждого полка был церковный парад.

Генерал Мищенко поздравил казаков с праздником и пожелал здоровья и счастья их семьям. Он говорил громким голосом, слышным на большом расстоянии; в каждом его слове чувствовалась искренность и сердечность; недаром он так популярен в войсках <...> Начальники отдельных частей были собраны вокруг генерала Мищенко на совещание. Теперь уже было известно, что мы выступаем завтра» [28, 356–359]. Однако в соседнем полку «у читинцев празднество началось со вчерашнего вечера – музыка и пение раздавались до утра. На обед было подано, после закуски, суп прентаньер, рыба орли, рагу из барашка, фазаны жареные на вертеле, салат из консервов зелени с майонезом и парфе из ананасов. Шампанским угощал командир полка – сегодня был получен приказ об утверждении его в должности <...> Писарь принес от Левенгофа записку: офицеры полка приглашались в собрание на бал; из отряда Красного Креста ожидали на бал пять сестер милосердия. Я не пошел. Музыка играла до трех часов утра» [28, 359]. А на следующий день все маялись похмельем.

Еще один важный зимний праздник – Крещение. На фронтах Русско-японской войны он не приобрел исключительного значения: служили «поскору», во время служения начался обстрел, но все же «закусили у кого что было и начали собираться в поход» [64, 238–239], – фиксирует события М. Серебрянский. Главная причина – сами обстоятельства войны: подготавливалось наступление при Сандепу, и войска находились в постоянном перемещении.

Остальные праздники упоминаются фактически только М. Серебрянским. На их празднование не оставалось ни сил, ни времени. Тем не менее праздники на фронте играли большую роль. Иногда праздник воспринимается трагически, но чаще всего становится той необходимой психологической разрядкой, которой не хватает солдатам. Участие в подготовке к празднику возвращает их в другую реальность – где нет войны. Праздник способствует укреплению межличностных связей и способствует сплочению военного коллектива.

Поражение в Русско-японской войне заставляет современников осмысливать ее опыт в определенном русле. Поиск виновных приводит к обвинениям и командования, и военных, и священников. Их обвиняли в неумении вести беседы с солдатами, в дурном поведении и в неисполнении своих обязанностей. Конечно, большинство обвинений были не заслужены, однако в обществе укрепляется представление, что институт военного духовенства нуждается в реформировании.

В 1906–1913 гг. работает комиссия по пересмотру положения о военном духовенстве [27, 175]. В результате работы комиссии появляются документы, регламентирующие деятельность военного духовенства в новых исторических условиях [62]. Среди христианских обязанностей военных пастырей особенно определяются, что полковые священники должны отправлять службу в постоянных или подвижных полковых церквях по воскресным дням, во все церковные праздники, царские дни и в течение всего Великого поста. Общие молебствия в летнее время перед выступлением в поход, в лагерь, перед сражением, в дни полковых праздников производятся на открытом воздухе, причем та часть войска, для которой служение совершается, располагается покоем, и посреди нее становится аналой. В примечании оговаривалось, в каких случаях увольняются начальством для исполнения обрядов их веры евреи и мусульмане.

Большим поборником преобразований в деятельности военного духовенства был Г. И. Шавельский, ставший протопресвитером военного и морского духовенства в 1911 г. В 1914 г. перед самым началом Первой мировой войны по его инициативе состоялся первый Съезд военного и морского духовенства.

Результатом деятельности о. Шавельского стала подробнейшая инструкция военным священникам относительно их обязанностей во

время войны. Казалось, имевший большой военный опыт Г. И. Шавельский предусмотрел все.

Начавшаяся война внесла свои жесткие коррективы в инструкции и положения. Поначалу в 1915 г. священники пытались следовать предписаниям, в т. ч. и в отношении церковных праздников. Надо отметить, что и значение этих праздников, и отношение к ним существенно переменились. Пасха, например, приобретает значение не только церковного, но и государственного праздника. О значении Пасхи как демонстрации единения царя и народа довольно подробно пишет Р. С. Уортман. Первая мировая война сделала демонстрацию такого рода как нельзя более актуальной.

В 1915 г. Пасха выпала на 22 марта (4 апреля). В этот раз Государь не поехал в Москву [67, 493–505], но накануне Пасхи начал объезд действующей армии. 11 марта он возвратился в Царское Село [12, 493]. Сообщение об этом было размещено в газетах и журналах между «пасхальной» статьей и сообщением о взятии Перемышля.

С одной стороны, император проводит пасхальные дни с семьей – несколько подчеркнуто по-домашнему. С другой стороны, 23 марта государь христосовался с «нижними чинами запасных батальонов шефских частей; между ними много раненых и поправившихся от ран» [16, 118], 25-го «к обеду в церкви Большого двorca были приглашены наличные офицеры л.-гв. Конного полка и прежде служившие в полку, а затем им было предложено пасхальное угощение» [16, 118]. 4 апреля Государь уехал в Галицию. Он посетил Броды, Львов, Самбор, Хыров и Перемышль, после чего вернулся во Львов, где присутствовал на молебне в военно-полевой церкви Пресвятой Богородицы «Утоли мои печали» (в настоящее время – на улице генерала Грекова) и обеде у генерал-губернатора. Торжественное шествие государя по Галиции до известной степени замещает традиционные пасхальные торжества в столице. Его сопровождают главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич, генерал Янушкевич, великий князь Петр Николаевич, принц А. П. Ольденбургский и свита: министр двора Фредерикс, флаг-капитан генерал-адъютант Нилов, дворцовый комендант Воейков, генерал-майор свиты князь Долгоруков, начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенант Мосолов, командир императорского конвоя генерал-майор Граббе, начальник военно-походной канцелярии императора генерал-лейтенант Орлов, флигель-

адъютанты полковник граф Шереметев, полковник Нарышкин, капитан 2-го ранга Саблин, лейб-хирург Федоров, генерал-майор Дубенский, церемониймейстер барон Штакельберг. Таким образом, эта седьмая с начала войны поездка в Галицию должна была воодушевить войска перед предстоящим наступлением.

На позициях подготовка к Пасхе требовала от священников больших усилий. Нужно было организовать место богослужения. Солдаты принимали в этом деятельное участие [40, 360]. Как объясняет священник Захария Кромский, «обычно у простого человека религиозное чувство сильнее проявляется вовне. Ему нужно чем-нибудь осязательным выразить свое религиозное настроение» [34, 281]. Многие приходилось изготавливать самостоятельно, при этом какие-то проблемы решались проще, чем в предшествующую войну. Свечи, например, имелись, видимо, не было проблем с просфорами. Зато не хватало подсвечников, их делали из жести.

Настроение соответствовало моменту: «У всех была одна мысль: “Как хорошо мы здесь, в этом диком дремучем лесу, встречаем праздник. Никогда, во всю жизнь, не забыть этого момента!.. Слава Богу: нигде Он нас не оставляет...”» [40, 363].

Иногда высокие мысли и торжественное настроение перебивались торопливостью священнослужителей, которым нужно было быстрее объехать передовую. «20 марта. Ночью задул юго-западный ветер, буря, метель – весь день был ветер, и казалось, “оборвалось”, уже стало хлябнуть, потемнели дороги, потемнел остров, но к вечеру стал ветер повертывать на север, стало расчищать, и вечером зима опять вцепилась старыми когтями в землю.

Какой-то несурзанный поп: устроил чтение 12-ти Евангелий в заутреню в пятницу. <...> 22 Марта. Пасха. <...> Христос воскрес в обе стороны: это самое удивительное: у кого горе (мука), тот после поста и молитв чувствовал светлую радость, у кого радость на душе – как взлетели ракеты, как диакон хорош: батюшкин “Христос воскрес” и диаконов. <...> 23 Марта. Дождались наконец попов: диакон – весь движение, слова, как дым кадильный; пахнет дым, ушло кадило, думаешь, конечно, затух огонь, а оно вернулось и опять пахнуло. Попу слова сказать не дает, и тот диакона стесняется, попик утुльчивый. Предложили тарелку с яйцами, батюшка положил луковое яичко, а дякон взял: долго всматривался, чтобы не взять разбитого,

и взял деревянное складное детское яйцо, сначала не заметили, а потом хватились: дьякон унес!» [58, 154–155].

В резерве празднование Пасхи требовало решения тех же самых проблем, что и на позициях. Прежде всего – устройство помещения для богослужения. Некоторые солдаты ходили на молебны в униатские церкви, не слишком понимая разницу [19], но даже такая возможность имела не у всех.

Священник Захария Кромский, например, подготовил уже помещение – две комнаты в жилом доме, – но закончить говение в нем не пришлось: полк был переведен на другие позиции. Спешно пришлось устраивать другой храм. Дом оказался занят офицерами, и под церковь выделили сарай. «Очистили землю, настлали пол, место для алтаря приподняли, задекорировали весь сарай елками. Нашли у поляков “парные” иконы Спасителя и Божьей Матери» [34, 281]. Приспособленное помещение оказалось очень холодным, во время самой службы снег лежал на престоле и попадал в Святую чашу.

Другая проблема, с которой столкнулись священники, – вопрос об исповеди. Проблема эта обсуждалась еще накануне Русско-японской войны [20]. Предлагалось проводить общую исповедь, для которой даже были составлены стандартные вопросы. Однако у священников Первой мировой войны, большинство из которых к тому же были епархиальными, такого рода опыта не имелось, и отношение к проблеме было неоднозначное. Мало помогла бы в деле организации общей исповеди инструкция, регламентировавшая деятельность священника на войне, выработанная на Съезде военного и морского духовенства в 1914 году. Надо отметить, что процедура исповеди в инструкции не прописывалась, поэтому священникам предстояло действовать сообразно своему опыту и обстоятельствам.

По словам З. Кромского, общая исповедь вполне удалась – полковник Н... говорил ему на следующий день: «Я <...> до сих пор хожу под впечатлением общей исповеди. А что делалось с солдатами!» [34, 281]. Правда, есть и другое свидетельство о впечатлении, которое произвела общая исповедь: «Командир полка решил, что мы должны воспользоваться случаем и исповедаться. Из-за отсутствия времени было решено исповедаться одновременно всем полком. Полк построился в большой монастырской церкви. – Вы убивали? – спросил батюшка. – Да, – хором ответил полк. – Вы воровали? – Да, – ответили

почти все. На этом месте меня разобрал смех, и я уже не помню, чем кончилось дело» [39, 77].

Завершением пасхальных торжеств становится разговение. Еда и подарки самое ожидаемое событие Пасхи. «В субботу из полка было выдано понемногу и по яйцу на человека. Затем были получены в этот день дарственные рубахи и кальсоны теплые и холодные, и все имели возможность одеть чистое белье и как-то были настроены в ожидании Воскресения Христова» [3, 33–34]. Продукты доставали, покупая за двойную цену, но не скупались, ведь это было главной частью праздника: «...я <...> попросил, что если есть где съестного купить для меня, дабы мог чем-нибудь ознаменовать великий праздник. <...> праздник для нас прошел хорошо, и мы были обеспечены закуской. <...> Вечером <...> разговлялись маслом и сыром, напился чаю с белым хлебом (булками), поговорили о своих семьях, что сейчас и у нас дома все сидят и, наоборот, не раз вспомнят о нас» [3, 34].

Были и широкие застолья. Э. А. Верцинский вспоминал, что по случаю Пасхи для офицеров на позиции был выстроен длинный блиндаж под офицерское собрание, который внутри украсили. «На заутреню и разговенье собрались все свободные офицеры полка и были приглашены все наличные офицеры л.-гв. 4 стр. Императорской Фамилии полка <...> Стрельба на фронте почти прекратилась, и со стороны немцев был ряд попыток к братанию и к вступлению в общение с нашими стрелками. Несмотря на запрещение, все же отдельные стрелки дали себя соблазнить водкой и обещаниями, что их отпустят обратно» [9, 68–69].

Надо отметить, что «на германском фронте в Страстную пятницу неприятельские летчики в целом ряде пунктов сбросили на наши позиции записки с просьбой не стрелять и не кидать бомб в первые три дня Пасхи. <...> во многих местах пасхальная ночь прошла совершенно спокойно. Неприятель не выпустил ни одного снаряда, даже прожекторы и те притихли. <...> Ни с их, ни с нашей стороны разведчиков в пасхальную ночь не посылали. Это обстоятельство позволило отслужить в ряде полков заутреню на самих позициях» [25]. Правда, корреспондент «Биржевых ведомостей», напротив, пишет: «Неприятель, как назло, второй день не перестает стрелять. Он великолепно осведомлен о нашем празднике, и все усилия были направлены к тому, чтобы всячески воспрепятствовать праздничному настроению. Собственно говоря, этого

нужно было ожидать. После взятия Перемышля бои в Карпатах носят такой ожесточенный характер, как никогда. Наши солдаты, конечно, были подготовлены к такой встрече праздника, и действительно, в Страстную субботу неприятель повел сильную атаку. Ночью, в секунды отдыха, солдаты поздравляли друг друга со Светлым праздником. О богослужении, конечно, нужно было забыть. Кое-где все-таки удалось отслужить краткое богослужение, продолжавшееся всего 3–4 минуты» [25].

Некоторым полкам отпраздновать Пасху действительно не удалось: в ночь с 22 на 23 марта – «смена с позиций и переход в бригадный резерв» [9, 68].

Есть некоторые сведения о том, что и в плену русским воинам удалось отпраздновать Пасху. В лагере военнопленных Нейсе для проведения богослужений немцами был выделен бывший манеж-конюшня, которую военнопленные сразу же начали переделывать в церковь. «Быстро поставлен был в этом манеже иконостас – ширмы, на которые надели иконы, принесенные нами с 3-го форта; устроен алтарь, т. е. Престол, и Жертвенник, и Запрестольный Крест – работы все того же полк. Шебуранова; запрестольный Семисвечник и подсвечники в церкви – работы оружейного мастера Николаева. Царские Врата изображала голубая завеса из материи с вышитым на ней серебряным крестом. Работа длилась целый день, и к вечеру храм был готов для празднования самого торжественного, “Праздника Праздников” – Св. Пасхи» [68, 48]. Немецкая администрация даже разрешила ночное богослужение. Недостатка в священниках не было – в Нейсе находились четыре пленных полковых священника. Крестный ход пришлось совершать не снаружи, а внутри храма, потому что администрация лагеря не разрешила идти снаружи. В остальном служба удалась и была очень утешительна для пленных.

Пасха 1916 г. прошла совсем с другим настроением. Государь встречает ее в Ставке: «10-го апреля. Светлое Христово Воскресение.

Обедня окончилась без 10 мин. два. Все собрались у меня, похристосовался с ними, и затем разговелись. Ночь была ясная и прохладная. Встал в 9 1/2 ч., через час началось христосование со штабом, управлениями, духовенством, городскими и местными высшими чинами граждан. <...>11-го апреля. Понедельник. Чудный день. После обедни пошел к докладу. В 2 часа поехал к Быховским казармам, где около полковой церк-

ви в березовой роще я христосовался с казаками и нижними чинами всех частей, стоящих в Могилеве, – всего 860 чел.» [16, 222–223].

От государыни солдаты получают подарки – специально для солдат действующей армии была отпечатана «Памятная книга-календарь от ея величества государыни императрицы Александры Федоровны на 1916 год» (другое название – «Пасхальный привет»). На форзаце имелось факсимиле царских детей: царевича Алексея, княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. В сборник вошли молитвенная памятка, церковный календарь на 1916 год, приказы Николая II армии и флоту (23 августа 1915 и 31 декабря 1915 г.), разъяснение, как русским героям – солдатам и их семьям – получить пенсию или пособие, образцы прошений. Вообще Пасха 1916 г. тесно связывается с образами и именами высочайшей семьи.

На фронте настроение было не слишком праздничное.

«Занялся день.

– Братцы, да ведь сегодня – Пасха. Христос Воскресе! – раздался чей-то хриплый голос.

– Воистину воскрес! – вяло раздалось в ответ.

Удивительное дело: с каким нетерпением ожидали Светлый Праздник, как внимательно считали недели, дни, и вдруг... равнодушные. Вот они – лишения-то! Чего с людьми не сделают» [66]. Так передает свое настроение один из участников войны. Несмотря на затишье, там, где стоял его полк, ни о каких приготовлениях к празднику и речи не было. Через несколько минут был отдан приказ о наступлении.

На передовой, в опасности и напряженном ожидании смерти, общая исповедь вдруг приобретает совершенно особый смысл. «Мы прошли подобную процедуру, когда лежали в траншеях на берегу Двины. У нас опять не было времени на индивидуальные беседы с батюшкой; мы исповедались эскадронами. На этот раз полковой священник не задавал нам вопросов. Он просил нас представить, что мы стоим перед Богом, молча вспоминаем свои грехи и просим за них прощения. Над нами кружил немецкий самолет, а в это время гусары, склонив головы, стояли в полной тишине. Это была единственная в моей жизни исповедь, которая по-настоящему затронула мое сердце» [39, 77].

Вообще надо отметить, что на этот раз священники в основном делали упор не на исповедь, а на проповедь, причем речь идет не о Священном Писании. Проповедь приобретает все большую актуальность, священники говорят

о войне, о союзниках, противниках, о мире, который должен отвечать устремлениям России.

На Пасху 1916 г. уже долго находившиеся в лагере военнопленные лично для себя воспринимают ее как специфическую связь с домом. К Пасхе они вновь отделяют и украшают церковь. Используют все имеющиеся подручные предметы. Например, подъяесаул Семенов изготовил гирлянды с разноцветными лампочками из битых пузырьков [68, 105]. Фотографию церкви, украшенной к Пасхе, даже поместили в «Искре».

Интересно, что из дома у родных и знакомых просят прислать предметы, необходимые для организации праздничного богослужения, – ладан, кропило, белой муки для просфор [68, 106–107]. Многочисленные благотворительные организации и частные лица присылали письма и подарки к Пасхе, в т. ч. – иконы, образки, свечи, Евангелия и т. п. Часто присылали цветы – засушенные букетики прикладывали к письмам и пришивали к открыткам.

Администрация лагеря не препятствовала организации богослужения – даже с незначительными нарушениями режима. «Когда зажгли все люстры, свечи и лампадки, когда осветилась, вся в цветах и зелени, оригинальная церковь-чердак, переполненная молящимися русскими, французами, англичанами, бельгийцами и немецкой администрацией, когда запели “Воскресение Твое, Христе Спасе” и двинулся крестный ход, – мы на мгновение забыли, что мы не на Родине, а в плену!..» [68, 105].

В некоторых лагерях священников не было, но и там отмечали Пасху. В. Корсак (В. В. Завадский), например, вспомнил, что на Страстной неделе в лагерь приехал священник из Касселя [32, 170]: «На заутреню, которую комендант разрешил служить в полночь, явился весь лагерь. Пришли самые равнодушные и неверующие: церковь объединила всех, без различия».

Кроме места проведения богослужений церковь для военнопленных была своеобразной «территорией свободы» – «тем уголком, где мы обыкновенно, не видя наших “охранителей”, не чувствовали себя в плену» [68, 112], поэтому многие ходили в церковь часто и молились охотно.

Конечно, Пасха завершалась разговением. В лагерях продукты достать было невозможно, администрация запрещала покупать и выменивать их у местного населения. Но важен был не обильный стол, а именно это общение с его сугубо мирными и совсем домашними беседами [32, 170].

Вообще в лагерях военнопленных Пасха

1916 г. оказалась очень «веселой» – «потому что это была Пасха надежд» [32, 170]. Надежды на благополучные вести с фронта еще сохранялись, но главное – близость мира и освобождения казалась очевидной.

Если Пасха – «праздников праздник и торжество из торжеств», то другие церковные праздники воспринимались значительно более интимно. Так, Рождество 1914 г. – едва ли не самый запомнившийся праздник Первой мировой войны [48]. В канун этого Рождества вечером 24 декабря 1914 г. на Западном фронте было объявлено перемирие. На Восточном фронте бои продолжались.

Тыл ожидал каких-то удивительно умиротворительных праздников на фронте на Рождество, некоторые журналы помещали умильные рождественские сюжеты, изображающие молитву солдат. «Летопись войны» даже поместила статью о новогодних и рождественских торжествах, в которой выражалась надежда, что «1915 год должен принести нам мир – победоносный, прочный, славный...» [47, 315].

Однако действительность на фронте была другой. Одним пришлось встречать Рождество «на позиции, в окопах. Не молитвою, а боем...» [35, 165].

Священник Захария Кромский приспособил для богослужения «халупу» – ту самую избу, которую сам занимал. «Приубрали ее, поставили походный престол, на него св. иконы, крест и Евангелие» [35, 165]. А Василию Ермоловичу пришлось служить в полуразрушенной избе, которую занимал командир полка, да и в этой избе, где на полу сидели и лежали только что прибывшие новобранцы, ожидавшие распределения по ротам, и куда пытались протиснуться еще солдаты, долго молиться не пришлось. Однако батюшка отслужил молебен, прибавил водосвятие и молитву из чина освящения знамен [18, 215]. Казаки благодарили священника и за такой молебен, «говоря, что они за пять месяцев только второй раз удостоились слушать церковную молитву» [18, 217], собрали деньги – пожертвование на раненых. Набралось 6 рублей 60 копеек. Через несколько минут началась атака, продолжавшаяся до 3 часов ночи.

Обязательным атрибутом праздника было застолье, хоть какое-нибудь. На позиции привезли подарки – колбасу, пироги. Но не всем Рождество доставляло радость. Ермолович отмечает, что «веселье захлебнулось» – кто-то из казаков пытался играть на гармошке и петь, но его не

поддержали, а некоторые даже плакали. Высказывались даже такие суждения: «Рождество <...> проходит как обыкновенный день и скучно. Одно все вспоминают, как в эти дни все радовались в кругу своих семейств и что сейчас родные делают, и в этом духе велись разговоры до вечера. 31 декабря. С утра началась перестрелка. Вечером наша рота выступила на поддержку одной роты нашего батальона и, отбив неприятеля, возвратились к 10 вечера. Ровно в 12 час. у нас был готов чай, и мы подняли по чашке горячего чаю, поздравили друг друга с наступлением Нового года, выпили чай и уснули» [3, 21].

Спиртные напитки на позициях достать было довольно затруднительно, с 1908 г. отменяется практика выдачи нижним чинам винной порции [57, 1220], однако алкоголь все же доставали, правда, с очевидным трудом. Приказом войскам 1-й армии № 34 от 10 августа 1914 г. «верховный главнокомандующий изволил повелеть строжайше запретить употребление спиртных напитков» [51, л. 90об.], но и это не останавливало. «Не чушь, а факт, – вспоминает прапорщик Д. П. Оськин. – По армии издан приказ: замечено, что солдаты во многих частях используют противогазы для очистки через активированный уголь, в них содержащийся, денатурата, лака и других спиртовых суррогатов. Предлагается командному составу установить наблюдение и не использовать противогазов для очистки спиртовых суррогатов. – Ну что ж, приказ вполне законный. – Эх, какой ты дурень!.. У нас в полку никто этим не занимался, так как никто не знал, что противогаз может служить хорошим фильтром для очистки денатурата, а как прочли приказ, теперь все, кто достает денатурат, очищают его через противогаз. Понял?» [50, 224–225].

В резерве отношение к празднику было более позитивным.

В «халупе» организовывал праздник для Троице-Сергиевского полка, переведенного в резерв, священник Николай Яхонтов [76, 105], и ему удалось даже устроить елку. «Из русинской хаты принесли картину – образ “спящего младенца Иисуса в яслях”, сделали в уголку грот из хвой и положили там картину на угольнике, покрытом сеном. <...> В другом углу поставили елку, скромно убрали ее конфетками, различными фигурками из шоколада и свечками, подставочки для которых приказал своим мастерам изготовить из цинковых коробок из-под патронов добрый старик, заведывающий оружием В. М. Карелин, принимавший самое деятельное

участие в приготовлениях к празднику. <...> а на плите ворчливо кипела-варилась “кутья” – пшеница с медом» [76, 105]. Солдатам даже удалось помыться и почиститься. Таким образом, все традиции были соблюдены.

Особенно радовали подарки. «По инициативе некоторых бывших офицеров полка и полковых дам в Петрограде, под председательством жены командира полка был организован комитет по сбору рождественских подарков солдатам полка. В газетах было объявлено, что принимаются пожертвования для полка, а также отправка именных посылок для отдельных чинов полка. Организации, учреждения и частные лица тепло откликнулись на этот призыв» [9, 62]. На некоторых подарках были надписи: «Подарок Наследника Цесаревича армии» [76, 106]. В резерве удалось не только устроить праздничный обед нижним чинам, но и развлечения – спортивные игры и соревнования с призами.

Конечно, основным развлечением было употребление спиртных напитков, однако достать их можно было в основном в резерве. «Встретили мы Новый год очень весело. Напитков было хоть и не очень много, но и не слишком много, стихия хаоса и бесформенности никого не коснулась», – пишет жене Ф. А. Степун [65, 38]. Конечно, он немного приуменьшает. Пили, несмотря на сухой закон, до состояния мертвецкого. «Когда мы подходили к бывшим немецким окопам, издали увидели на самой дороге лежащего здесь без движения нашего солдата. Все мы думали и сожалели, что это – убитый. Но когда рота к нему приблизилась, “убитый” вдруг поднялся и, шатаясь во все стороны, начал плясать и петь! Он был совершенно пьян» [2, 464], – вспоминает один из участников событий. Справедливости ради надо отметить, что потребление спиртных напитков не было единственным развлечением в праздник.

Очень запомнилось Крещение 1916 г. А. А. Брусилову [7]. Это был большой праздник с тщательно выдержанным ритуалом – молебен с водосвятием и традиционным церковным парадом. Во время молебна в небе над собором показались вражеские самолеты. «Быстро оглядев всех близ меня стоявших, я с радостью убедился, что все достойно и спокойно продолжают молиться, нисколько не выражая тревоги. Торжественное пение хора неслось ввысь навстречу врагу. Вдруг раздался сильный взрыв и треск упавшей бомбы. Было очевидно, что она попала в крышу одного из ближайших домов.

Молебен продолжался. Я с гордостью взглянул на группу сестер милосердия: ни одна из них не дрогнула, никакой сумятицы не произошло, все женщины и молодые девушки стояли по-прежнему спокойно. Но к ужасу своему, я вдруг заметил, что не только голос главного священника дрожит, но губы его посинели, и он, бледный как полотно, не может продолжать службу. Крест дрожит в его руке, и он чуть не падает. Спасли положение второй священник, дьякон и певчие, заглушившие этот позор перед всеми стоявшими несколько дальше. Молебен благополучно окончился» [7, 192]. После парада и молебна был карнавал. «На большой поляне перед лесом, в котором были расположены землянки <...> солдаты, наряженные всевозможными народностями, зверями, в процессиях, хороводах и балаганах задали нам целый ряд спектаклей, танцев, состязаний, фокусов, хорового пения, игры на балалайках. Смеху и веселья было очень много. И вся эта музыка, шум и гам прерывались раскатами вражеской артиллерийской пальбы, которая здесь была значительно слышней, чем в штабе» [7, 192].

Николай II провел Крещение в Ставке. «После чая отправился к архиерейской службе в церкви, оттуда крестный ход спустился к Днепру с правой стороны моста. Все части гарнизона стояли шпалерами, батарея произвела салют в 101 выстрел, и аэропланы летали над головами» [15, 202].

Что касается других православных праздников, то отмечались они как придется.

В зависимости от радения полкового священника совершались богослужения, но зача-

стую их составной частью становился обряд погребения. Частые передислокации полков и некоторая скудость продовольствия не позволяли даже осознать праздник: «Так как был канун первого августа (первый Спас), то зауспокойная служба была соединена с праздничной. В положенное время было совершено и изнесение св. креста. Празднично-зауспокойное богослужение хотя и совершалось в лесу, но аэропланы неприятеля, летавшие над этим лесом, не раз нарушали вечернюю тишину» [60, 690].

Некоторое представление о праздновании православных праздников на войне можно составить на основании дневника унтер-офицера Штукатурова [13]. Он тщательно фиксирует все ночные служения [13, 147, 181] и свое настроение, ожидание праздников: «Сегодня канун Преображения Господня, и мысли у меня религиозные, хорошие» [13, 151]. Наиболее ярко был отпразднован праздник Всех Скорбящих радости. После учений «в 4 часа приказали приодеться при одной сумке и повели к Благовещенскому монастырю, отстоявшему от деревни версты на 1 $\frac{1}{2}$, где прошли раз церемониальным маршем, а затем пошли в храм, в котором отстояли все-нощную» [13, 181]. Однако, как явствует из его дневника, более или менее каноническое празднование происходило только в стационарных соборах и монастырях. В лагере праздники не отмечались вовсе, даже учения не отменялись. Зато, к досаде солдат, офицеры старались заполнить их краткий досуг, заставляя петь песни [13, 160]. Священник был в лагере один раз, «сказал слово» [13, 161], но, видимо, без особенного успеха.

Библиография:

1. Анохин С. И. Памятная книга Семена Ивановича Анохина. Рядовой 227-го Епифановского пехот. полка 12-й роты // [Электронный ресурс] - URL: http://trud22.ru/1_mirovaia/dnevnik/ (дата обращения: 10.08.2015).
2. Ардашев А. Н. Великая Окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 480 с.
3. Арутюнов А. С. Дневник солдата. 1914–1915. Ростов-на-Дону: Издатель А. Арутюнов, 2013. 50 с.
4. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 гг. М., 2011. 288 с.
5. Богданович А. В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990. 608 с.
6. Богословский А. Проводы священника на Дальний Восток (Достойные полного внимания и глубоко назидательные) // Вестник военного духовенства. 1905. № 16. С. 482–486.
7. Брусилов А. А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. 216 с.
8. Бугославский И. Внебогослужбная беседа о православном воине и его обязанностях // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 37–40.
9. Верцинский Э. А. Из Мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллин-Ревель, 1931. 168 с.
10. Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 518 с.
11. Внебогослужбная беседа с молодыми воинами накануне принятия ими присяги // Вестник военного духовенства. 1891. № 2.
12. Возвращение Государя Императора из действующей армии // Летопись войны. № 31. 21 марта 1915.
13. Дневник Штукатурова // Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина. 1919. Выпуск 1-й. 170 с.
14. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 1: 1894–1904 / Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 1102 с.

15. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 1: 1905–1913 / Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 824 с.
16. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 2: 1914–1918 / Отв. ред. С. В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 784 с.
17. Дневники святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. V. 960 с.
18. Ермолович В. Как мы встречали и проводили праздник Рожд. Христова // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 7–8. С. 213–218.
19. Жукова Л. В. К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 584–591.
20. Жукова Л. В. Меры по усовершенствованию деятельности военного духовенства в начале XX века, предложенные протопресвитером А. А. Желобовским // Клио: Журнал для ученых. 2002. № 3 (18). СПб.: Нестор, 2002. С. 161–168.
21. Жукова Л. В. Проповедническая деятельность военного духовенства в Русско-японской войне // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. С. 148–164.
22. Заключение учрежденной Его Императорским Высочеством, Главнокомандующим при Штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа комиссии по вопросам содействия религиозно-нравственному, умственному и физическому развитию нижних чинов. СПб., 1909.
23. Зменцын В. П. Агония Порт-Артура. Капитуляция Порт-Артура. Из дневника офицера русского флота // Подольский альманах. 2004. № 7.
24. Золотарев О. В. Война и армия в русской религиозной мысли. Кн. 3. М.: ВАГШ, 1999.
25. Иванов А. А. Первая Пасха Первой мировой войны // [Электронный ресурс] – URL: http://ruskline.ru/history/2015/04/14/pevaya_pasha_pervoj_mirovoj_vojny/ (дата обращения: 10.06.2015).
26. Ирошников М. П., Процай А. Л., Шелаев Ю. Б. Николай II. Последний российский император. СПб.: Духовное просвещение, 1992. 512 с.
27. Исакова Е. В. Институт военного духовенства в России в 1890–1918 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб.: Сев.-Зап. отд.-е Рос. науч.-исслед. ин-та культурного и природного наследия, 2005.
28. Квитка А. В. Дневник Забайкальского казачьего офицера: Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 430 с.
29. Кирсанов Е. И. Посещение Новочеркасска Императорами и их Наследниками // Держава. 1998. № 2 (12).
30. Кирьяков Б. С. Пьяный взрыв // [Электронный ресурс] – URL: http://samlib.ru/k/kirjakow_boris_semenowich/prxjanujwzgyw.shtml (дата обращения: 06.06.2015).
31. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.
32. Корсак В. Плен. Париж, 1927. 240 с.
33. Крайкин В. В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // Известия РГПУ им. Герцена. 2009. № 96. С. 51–55.
34. Кромский З. С. войны. Письмо седьмое // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 9. С. 279–282.
35. Кромский З. С. войны // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 6. С. 163–167.
36. Ларенко П. Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с 26 января 1904 г. по 9 января 1905 г. СПб.: Типолитография Шредера, 1906. 820 с.
37. Летопись войны с Японией. 1904. № 35.
38. Лилье М. И. Дневник осады Порт-Артура. М.: Центрполиграф, 2002. 368 с.
39. Литтауэр В. С. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920 гг. М.: Центрполиграф, 2006. 304 с.
40. Маслов П. Церковь в лесу // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 2. С. 359–367.
41. Минер В. Л. Воинские ритуалы российской армии: история зарождения и развития. Дисс. докт. ист. наук. М., 2005.
42. Мирбах. Пасха 1904 года // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955.
43. Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора: записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М.: Анкор, 1993. 286 с.
44. Немирович-Данченко В. И. На войну. От Петербурга до Порт-Артура. Из писем с дороги. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1904. 167 с.
45. Новое время. 1904. 15 сентября.
46. Новое время. 1904. 21 мая.
47. Новый год // Летопись войны 1914–1915 гг. № 20. 3 января 1915.
48. Оболонкова М. А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (13). С. 8–14.
49. Около японцев: (Из дневника пленного офицера) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. № 6.
50. Оськин Д. П. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М.: Воениздат, 1998. 432 с.
51. Отдел военной литературы Российской государственной библиотеки (ОВЛ РГБ). Ф. 157/20.
52. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб.: Государственная типография. 1885–1916. Т. 24. Отделение 1: 1904, 1907. 1257 с. № 25431.
53. Походная памятка русского солдата. Одесса: Издание Е. И. Фесенко, 1914. 24 с.
54. Правительственный вестник. 18 июня 1904. № 139.
55. Правительственный вестник. 21 июля 1904. № 166.
56. Правительственный вестник. 24 июня 1904. № 144.
57. Приказ № 584 от 5 декабря 1908 г. // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб., 1908. С. 1220.
58. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Книга первая. М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.
59. Рункевич Н. Проводы на войну стрелковой 2-й Финляндской бригады // Вестник военного духовенства. № 13. 1 июля 1905. С. 404–405.
60. Руфимский П. На ратных полях (Письма с войны) // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 22. С. 689–691.
61. Свод Военных постановлений. Кн. 6. Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 53.

62. Свод Военных постановлений. СПб.: Государственная типография, 1879. Ч. 1. Кн. 3. Местные военные управления: (По 1 июля 1889 года). 1890. 157 с. Ст. 366–390.
63. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. СПб., 1903–1905, 1904. Отд. 1. Ст. 2050.
64. Сребрянский Митрофан. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М.: Отчий дом, 1996. 352 с.
65. Степун Ф. А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 192 с.
66. У Колодца. Воспоминания офицера Р. М. // Задушевное слово. Журнал для старшего возраста. Пасхальный номер. № 24. 10 апреля 1916 г.
67. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 томах. М.: ОГИ, 2002–2004. Т. 2. С. 493–505.
68. Успенский А. А. В плену. Воспоминания офицера. В 2 ч. Ч. 1. (1915–1916 гг.). Kaunas, 1933. 164 с.
69. Федорченко С. З. Народ на войне. М.: Советский писатель. 1990. 400 с.
70. Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно: ГрГУ, 2006. 356 с.
71. Шавельский Г. Речь пред освящением знамен, Высочайше пожалованных 33, 34, 35 и 36-му Восточносибирским стрелковым полкам // Вестник военного духовенства. 1904. № 21. С. 642–643.
72. Шайпак Л. А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник военного университета. 2007. № 1 (9). С. 92–99.
73. Шикуц Ф. И. Дневник солдата в Русско-японскую войну. В 2 ч. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. 232 с.
74. Шиловский М. В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Вестник. 2013. №1. С. 84–88.
75. Яроцкий И. Мысли и чувства военного священника, благословлявшего однополчан на войну // Вестник военного духовенства. 1905. № 11. С. 336–339.
76. Яхонтов Н. Рождество на позициях // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 4. С. 104–107.

References (transliterated):

1. Anokhin S. I. Pamyatnaya kniga Semena Ivanovicha Anokhina. Ryadovoi 227-go Epifanovskogo pekhot. polka 12-i roty // [Elektronnyi resurs] – URL: http://trud22.ru/1_mirovaia/dnevnik/ (data obrashcheniya: 10.08.2015).
2. Ardashev A. N. Velikaya Okopnaya voina. Pozitsionnaya boinya Pervoi mirovoi. M.: Yauza; Eksmo, 2009. 480 s.
3. Arutyunov A. S. Dnevnik soldata. 1914–1915. Rostov-na-Donu: Izdatel' A. Arutyunov, 2013. 50 s.
4. Belova I. B. Pervaya mirovaya voina i rossiiskaya provintsiya. 1914 – fevral' 1917 gg. M., 2011. 288 s.
5. Bogdanovich A. V. Tri poslednikh samoderzhitsa. M.: Novosti, 1990. 608 s.
6. Bogoslovskii A. Provody svyashchennika na Dal'nii Vostok (Dostoinye polnogo vnimaniya i gluboko nazidatel'nye) // Vestnik voennogo dukhovenstva. 1905. № 16. S. 482–486.
7. Brusilov A. A. Vospominaniya. M.: Voenizdat, 1963. 216 s.
8. Bugoslavskii I. Vnebogosluzhebnyaya beseda o pravoslavnom voine i ego obyazannostyakh // Vestnik voennogo dukhovenstva. 1905. № 2. S. 37–40.
9. Vertsinskii E. A. Iz Mirovoi voiny. Boevye zapisi i vospominaniya komandira polka i ofitsera General'nogo shtaba za 1914–1917 gody. Tallin–Revel', 1931. 168 s.
10. Vitte S. Yu. Vospominaniya: V 3 t. Tallin; M.: Skif Aleks, 1994. T. 2. 518 s.
11. Vnebogosluzhebnyaya beseda s molodymi voynami nakanune prinyatiya imi prislyagi // Vestnik voennogo dukhovenstva. 1891. № 2.
12. Vozvrashchenie Gosudarya Imperatora iz deistvuyushchei armii // Letopis' voiny. № 31. 21 marta 1915.
13. Dnevnik Shtukaturova // Trudy komissii po issledovaniyu i ispol'zovaniyu opyta voiny 1914–1918 gg. M.: Tipografiya T-va I. D. Sytina. 1919. Vypusk 1-i. 170 s.
14. Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t. T. 1: 1894–1904 / Otv. red. S. V. Mironenko. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. 1102 s.
15. Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t. T. 2: 1905–1918: v 2 ch. Ch. 1: 1905–1913 / Otv. red. S. V. Mironenko. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. 824 s.
16. Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t. T. 2: 1905–1918: v 2 ch. Ch. 2: 1914–1918 / Otv. red. S. V. Mironenko. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. 784 s.
17. Dnevnik svyatogo Nikolaya Yaponskogo. SPb.: Giperion, 2004. T. V. 960 s.
18. Ermolovich V. Kak my vstrechali i provodili prazdnik Rozhd. Khristova // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 7–8. S. 213–218.
19. Zhukova L. V. K voprosu ob organizatsii mest dlya bogosluzhenii na fronte v gody Pervoi mirovoi voiny // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2014. № 5. S. 584–591.
20. Zhukova L. V. Mery po usovershenstvovaniyu deyatel'nosti voennogo dukhovenstva v nachale XX veka, predlozhennye protopresviterom A. A. Zhelobovskim // Klio: Zhurnal dlya uchenykh. 2002. № 3 (18). SPb.: Nestor, 2002. S. 161–168.
21. Zhukova L. V. Propovednicheskaya deyatel'nost' voennogo dukhovenstva v Russko-yaponskoi voine // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik. M.: ROSSPEN, 2002. S. 148–164.
22. Zaklyuchenie uchrezhdennoi Ego Imperatorskim Vysochestvom, Glavnokomanduyushchim pri Shtabe voisk Gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga komissii po voprosam sodeistviya religiozno-nravstvennomu, umstvennomu i fizicheskomu razvitiyu nizhnikh chinov. SPb., 1909.
23. Zmeitsyn V. P. Agoniya Port-Artura. Kapitulyatsiya Port-Artura. Iz dnevnika ofitsera russkogo flota // Podol'skii al'manakh. 2004. № 7.
24. Zolotarev O. V. Voina i armiya v russkoi religioznoi mysli. Kn. 3. M.: VAGSh, 1999.
25. Ivanov A. A. Pervaya Paskha Pervoi mirovoi voiny // [Elektronnyi resurs] – URL: http://ruskline.ru/history/2015/04/14/pervaya_pasha_pervoj_mirovoj_vojny/ (data obrashcheniya: 10.06.2015).
26. Iroshnikov M. P., Protsai A. L., Shelaev Yu. B. Nikolai II. Poslednii rossiiskii imperator. SPb.: Dukhovnoe prosveshchenie, 1992. 512 s.

27. Isakova E. V. Institut voennogo dukhovenstva v Rossii v 1890–1918 gg. Diss. kand. ist. nauk. SPb.: Sev-Zap. otd-e Ros. nauch.-issled. in-ta kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 2005.
28. Kvitka A. V. Dnevnik Zabaikal'skogo kazach'ego ofitsera: Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. SPb.: V. Berezovskii, 1908. 430 s.
29. Kirsanov E. I. Poseshchenie Novocherkasska Imperatorami i ikh Naslednikami // Derzhava. 1998. № 2 (12).
30. Kir'yakov B. S. P'yani vzryv // [Elektronny resurs] – URL: http://samlib.ru/k/kirjakow_boris_semenowich/pxjanyjwzryw.shtml (data obrashcheniya: 06.06.2015).
31. Kormina Zh. V. Provody v armiyu v poreformennoi Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 376 s.
32. Korsak V. Plen. Parizh, 1927. 240 s.
33. Kraikin V. V. Nachal'nyi period Pervoi mirovoi voiny v soznanii provintsial'nykh zhitelei (na materiale Orlovskoi gubernii) // Izvestiya RGPU im. Gertsena. 2009. № 96. S. 51–55.
34. Kromskii Z. S. Voiny. Pis'mo sed'moe // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 9. S. 279–282.
35. Kromskii Z. S. Voiny // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 6. S. 163–167.
36. Larenko P. Stradnye dni Port-Artura. Khronika voennykh sobytii i zhizni v osazhdennoi kreposti s 26 yanvara 1904 g. po 9 yanvara 1905 g. SPb.: Tipolitografiya Shredera, 1906. 820 s.
37. Letopis' voiny s Yaponiei. 1904. № 35.
38. Lil'e M. I. Dnevnik osady Port-Artura. M.: Tsentrpoligraf, 2002. 368 s.
39. Littauer V. S. Memuary ofitsera imperatorskoi kavalerii. 1911–1920 gg. M.: Tsentrpoligraf, 2006. 304 s.
40. Maslov P. Tserkov' v lesu // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 2. S. 359–367.
41. Miner V. L. Voinskie ritualy rossiiskoi armii: istoriya zarozhdeniya i razvitiya. Diss. dokt. ist. nauk. M., 2005.
42. Mirbakh. Paskha 1904 goda // Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov. N'yu-lork, 1955.
43. Mosolov A. A. Pri dvore poslednego rossiiskogo imperatora: zapiski nachal'nika kantselyarii Ministerstva imperatorskogo dvora. M.: Ankor, 1993. 286 s.
44. Nemirovich-Danchenko V. I. Na voinu. Ot Peterburga do Port-Artura. Iz pisem s dorogi. M.: Tip. T-va I. D. Sytina, 1904. 167 s.
45. Novoe vremya. 1904. 15 sentyabrya.
46. Novoe vremya. 1904. 21 maya.
47. Novyi god // Letopis' voiny 1914–1915 gg. № 20. 3 yanvara 1915.
48. Obolonkova M. A. Epizod istorii Velikoi voiny kak element istoricheskoi pamyati evropeitsev: rozhdestvenskoe peremirje 1914 goda // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2010. Vyp. 1 (13). S. 8–14.
49. Okolo yapontsev: (Iz dnevnika plennogo ofitsera) // Istoricheskii vestnik. 1908. T. 112. № 6.
50. Os'kin D. P. Zapiski praporshchika // Otkrovennye rasskazy. M.: Voenizdat, 1998. 432 s.
51. Otdel voennoi literatury Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (OVL RGB). F. 157/20.
52. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. 1885–1916. T. 24. Otdelenie 1: 1904, 1907. 1257 s. № 25431.
53. Pokhodnaya pamyatka russkogo soldata. Odessa: Izdanie E. I. Fesenko, 1914. 24 s.
54. Pravitel'stvennyi vestnik. 18 iyunya 1904. № 139.
55. Pravitel'stvennyi vestnik. 21 iyulya 1904. № 166.
56. Pravitel'stvennyi vestnik. 24 iyunya 1904. № 144.
57. Prikaz № 584 ot 5 dekabrya 1908 g. // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1908 god. SPb., 1908. S. 1220.
58. Prishvin M. M. Dnevnik. 1914–1917. Kniga pervaya. M.: Moskovskii rabochii, 1991. 432 s.
59. Runkevich N. Provody na voinu strelkovi 2-i Finlyandskoi brigady // Vestnik voennogo dukhovenstva. № 13. 1 iyulya 1905. S. 404–405.
60. Rufimskii P. Na ratnykh polyakh (Pis'ma s voiny) // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 22. S. 689–691.
61. Svod Voennykh postanovlenii. Kn. 6. Komplektovanie voisk i upravlenii, zavedenii i uchrezhdenii voennogo vedomstva. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. S. 53.
62. Svod Voennykh postanovlenii. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1879. Ch. 1. Kn. 3. Mestnye voennye upravleniya: (Po 1 iyulya 1889 goda). 1890. 157 s. St. 366–390.
63. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate. SPb., 1903–1905, 1904. Otd. 1. St. 2050.
64. Srebryanskii Mitrofan. Dnevnik polkovogo svyashchennika, sluzhashchego na Dal'nem Vostoke. M.: Otchii dom, 1996. 352 s.
65. Stepun F. A. (N. Lugin). Iz pisem praporshchika-artillerista. Tomsk: Vodolei, 2000. 192 s.
66. U Kolodtsa. Vospominaniya ofitsera R. M. // Zadushevnoe slovo. Zhurnal dlya starshego vozrasta. Paskhal'nyi nomer. № 24. 10 aprelya 1916 g.
67. Uortman R. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2 tomakh. M.: OGI, 2002–2004. T. 2. S. 493–505.
68. Uspenskii A. A. V plenu. Vospominaniya ofitsera. V 2 ch. Ch. 1. (1915–1916 gg.). Kaunas, 1933. 164 s.
69. Fedorchenko S. Z. Narod na voine. M.: Sovetskii pisatel'. 1990. 400 s.
70. Cherepitsa V. N. Gorod-krepost' Grodno v gody Pervoi mirovoi voiny: meropriyatiya grazhdanskikh i voennykh vlastei po obespecheniyu oboronosposobnosti i zhiznedeyatel'nosti. Grodno: GrGU, 2006. 356 s.
71. Shavel'skii G. Rech' pred osv'yashcheniem znamen, Vysochaishe pozhalovannykh 33, 34, 35 i 36-mu Vostochnosibirskim strelkovym polkam // Vestnik voennogo dukhovenstva. 1904. № 21. S. 642–643.
72. Shaipak L. A. Rost antivoennykh nastroyenii soldat kak otrazhenie krizisa russkoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny // Vestnik voennogo universiteta. 2007. № 1 (9). S. 92–99.
73. Shikuts F. I. Dnevnik soldata v Russko-yaponskuyu voinu. V 2 ch. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2003. 232 s.
74. Shilovskii M. V. Massovyie besporyadki sredi mobilizovannykh v Sibiri vo vtoroi polovine iyulya 1914 g. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Vestnik. 2013. №1. S. 84–88.
75. Yarotskii I. Mysli i chuvstva voennogo svyashchennika, blagoslovyavshego odnopolchan na voinu // Vestnik voennogo dukhovenstva. 1905. № 11. S. 336–339.
76. Yakhontov N. Rozhdestvo na pozitsiyakh // Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva. 1915. № 4. S. 104–107.